

*Посвящается Доктору с большой буквы,
благородному и милосердному человеку —
Марии Вячеславовне Шишковой-Лаврусь
с бесконечной признательностью от автора*

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Глава 1

Никифор Лаврентьевич Твердохлёбов всегда мечтал жить за городом в своём доме то ли оттого, что родился он в селе, затерянном на просторах Сибири добротном пятистеннике, который достался семейству Твердохлёбовых ещё от прадеда. То ли потому, что впоследствии, окончив после школы военное училище, мотался он долгие годы по гарнизонам, часто жил с семьёй в самых отвратительных условиях, в основном в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Жара, песчаные бури, вода жёлтого цвета. Бытовые условия не способствовали укреплению семьи, и, как тогда говорили, семейная лодка Твердохлёбовых разбилась о рифы быта, несмотря на то что женился бравый лейтенант по страстной любви. И юная Ариадна, как тогда казалось Никифору, отвечала ему столь же пылкой взаимностью. Но как показало время, была это вовсе не любовь, а юношеская влюблённость. Розовые очки упали с носа юной Ариадны, и она сбежала от него, забрав маленькую дочь. Твердохлёбов долго не мог простить своей первой жене Ариадне Все-володовне именно то, что она разлучила его с дочерью. Ведь он души не чаял в маленькой Анфисе.

Но рано или поздно упорные лейтенанты дослуживаются до генеральских должностей. Никифор Лаврентьевич генералом не стал, так как, устав тянуть лямку, ушёл в отставку в чине полковника, отслужив положенные в таком случае двадцать пять лет. И наконец, вздохнув свободно, занялся своим бизнесом. К этому времени он уже был женат второй раз и растил сына. О дочери от первого брака Твердохлёбов тоже не забывал, подкидывал деньжат, привечал в своём доме и зорко следил за тем, чтобы его вторая жена Розалия Павловна не вздумала обижать его девочку. Когда Анфиса собралась замуж, Твердохлёбов устроил ей пышную свадьбу, хотя зять, тогда ещё жених, Тихон Поздняков не приглянулся ему с самого начала. «Не мужик, а серая мышь», — подумал тогда про него Никифор Лаврентьевич. Твердохлёбову сразу стало понятно, что выше начальника отдела Тихон Поздняков не поднимется, так и просидит всю жизнь в одной конторе тише воды ниже травы. И имя ему родители дали соответствующее характеру сына.. Да и фамилия Поздняков была ему в самый раз, так как Тихон опоздал родиться как минимум лет на сорок. Вот в советские времена он был бы человеком на своём месте. Но дурочка Анфиса в муже души не чаяла, и Твердохлёбов скрепя сердце согласился на свадьбу, не желая ломать дочь через колено.

Никифор Лаврентьевич тогда думал, что поживёт дочка с Тихоном годок-другой и глаза у неё откроются. Но, видимо, Анфиса уродилась не в мать. Трудности её не пугали. Была она из той редкой породы женщин, которым с милым и в шалаше

рай. Зря Твердохлёбов пребывал в уверенности, что такие женщины давно вымерли, как динозавры. Ах нет, вот его Анфиска как раз из таких. Не откладывая, как сейчас принято у молодёжи, дело в долгий ящик, родила она своему Тихону двух детишек — сына и дочку. Внук, по мнению Твердохлёбова, был точной копией папочки. «Такой же тюфяк вырастет», — думал про себя Никифор Лаврентьевич. Но, даже не возлагая на внука больших надежд, находил в своём сердце для мальчика тепло. Зато внучка была гордостью деда, та ещё оторва, ей бы парнем родиться, — часто думал Никифор Лаврентьевич, — но она и в женском обличье далеко пойдёт, был уверен дед.

И с существованием самого Тихона Твердохлёбов постепенно смирился, видя, как расцвела и похорошела подле него Анфиса. Ведь когда он увидел дочь в первый раз после долгой разлуки, была она неуклюжим голенастым подростком с испуганными глазами. Увидев девочку, свою кровиночку, Никифор Лаврентьевич второй раз по-серёзенному озлобился на свою первую жену. Он пытался отогреть дочку, осторожно расспрашивал, не обижает ли её отчим.

Анфиса в ответ только головой качала и не улыбалась.

— Растёшь ты у меня царевной Несмеяной, — порой в сердцах вырывалось у Твердохлёбова.

— Но что ты, папочка, — отвечала Анфиса, клала голову на грудь отца, и Никифор Лаврентьевич чувствовал, как на его кожу сквозь тонкую ткань рубашки просачивается пара горячих дочерних

слезинок. Он скрипел зубами от бессилия и гладил большой ладонью русую головку Анфисы. Несмотря на все усилия, ему ничего не удалось накопать ни на бывшую жену, ни на её нового мужа. Переезжать жить к нему Анфиса, по непонятной ему причине, отказывалась.

Никифору Лаврентьевичу даже в голову не приходило, что дочка заботилась об отцовском благополучии. Несмотря на то что внешне отношение Розалии Павловны к дочери мужа от первого брака было безупречным, Анфиса чувствовала, что вторая жена отца не приняла её. Всего лишь терпит, притворяясь, что всегда рада появлению Анфисы в их доме. А будь её воля, костьюми бы легла на пороге, только бы не впустить девчонку в свой дом. Но гнева мужа Розалия Павловна побаивалась и поэтому своё недовольство держала при себе. Анфиса же, будучи натурой тонкой и впечатлительной, чувствовала флюиды ненависти, исходящие от улыбки, которую источала Розалия Павловна.

Совсем отказаться от встреч с отцом было выше Анфисиных сил. Но на просьбу отца переселиться к нему она твёрдо отвечала — нет, опасаясь, что, если она станет постоянным членом отцовской семьи, Розалия сорвётся и начнутся неминуемые скандалы. А отцовское спокойствие девочка ставила намного выше болезненных столкновений с родной матерью, которая постоянна была недовольна дочерью и неустанно повторяла — и в кого ты такая уродилась?

И вот встреча с Тихоном, а потом и брак с ним научили Анфису не только улыбаться, но и за-

ливаться звонким счастливым смехом любимой и уверенной в себе женщины.

Услышав этот смех дочери в первый раз, Твердохлёбов не поверил своим ушам. А потом решил раз и навсегда — чёрт с ним, с Тихоном, главное, чтобы дочке было с ним хорошо.

И если зятю в заслугу Никифор Лаврентьевич ставил хотя бы умение делать счастливой его дочь, то собственный сын от второго брака Эдуард был для отца полным разочарованием. Никифор Лаврентьевич, особо и не скрывая этого, считал появление сына на свет своим самым неудачным проектом. Легкомысленный, безответственный, с детства избалованный матерью, Эдуард хотел получить всё и сразу. Он то и дело клянчил деньги то у отца, то у матери, строил проекты, хватался то за одну утопическую идею, то за другую, но ни разу ещё ни одну из них не довёл до логического завершения. Удача не оставила в его руках не то что золотого хвоста, даже ни единого пёрышка. И Твердохлёбов, давно махнув на сына рукой, не решался лишь окончательно отказать ему от дома. Всё ж таки сын. К тому же Никифор Лаврентьевич чувствовал себя виноватым перед второй женой. Хотя он давно охладел к Розалии, но ушёл от неё, когда она серьёзно приболела и попала в больницу, сын тогда заканчивал институт. И теперь, несмотря на то, что он оплатил тогда Розалии и отдельную палату, и уход за ней медперсонала, душа его время от времени зудела. Не зря его бабка говорила, что как ни усыпляй свою совесть, она может проснуться в самый неподходящий момент.

Но тогда, когда он решил расстаться с женой, Твердохлёбов ни о какой совести не думал, да и не считал себя особо виноватым. Разве он был виноват в том, что у него случилась новая любовь. Он буквально потерял голову от юной дамы полусвета, с которой познакомился на одном из фуршетов. Ради неё он и оставил семью. Никифор Лаврентьевич не жалел денег на возлюбленную, старался предугадывать её желания, ловил на лету все её капризы, заваливал её дорогущими подарками, дошло до того, что он купил ей машину и квартиру, свозил на целый месяц в Европу. А потом, как сказала бы его бабка, «оборотимся котом и будем мяукать». Твердохлёбову хотелось вовсе не мяукать, когда он в собственоручно подаренной квартире застал любовницу в недвусмысленной позе со своим охранником, а рычать!

Любовницу Твердохлёбов не тронул, а охранника сослал на Колыму, причём в прямом смысле этого слова. Парню дали билет и сказали, либо он едет туда и не показывает носа в течение пяти лет, либо никто не гарантирует, что однажды его не найдут на дне Волги с камнем на шее. Если, конечно, вообще найдут. Парень выбрал первый вариант и исчез.

А Никифор Лаврентьевич долго зализывал раны и едва не стал женоненавистником. Может, и стал бы им, если бы однажды не увидел на даче своего старинного друга, тоже полковника в отставке Игната Варфоломеевича Калитовского прекрасную девушку, похожую как две капли воды на Снегурочку. И имя у неё было подходящее — Снежана.

Никифор Лаврентьевич влюбился в неё с первого взгляда! Он чувствовал себя юным и окрылённым, вся тяжесть прожитых лет упала с его спины, как вязанка хвороста. И его не смущило то, что Снежана была невестой сына его друга и они вскоре должны были пожениться.

Однако разве мог юный Ромео, которого звали Виталий Калитовский, соперничать со швыряющим без счета деньги, вошедшим в раж Твердохлёбовым? Конечно, нет. Что он мог подарить своей Джульетте в образе Снежаны? Разве только прогулку по Волге на теплоходе, но никак не круиз по Средиземному морю. Ни на норковое манто, ни на бриллианты, ни на дорогую иномарку денег у недавно закончившего институт и только делающего первые шаги в карьере Виталия не было. Да и отец его не барствовал, бизнеса не имел и скромно жил на заслуженную пенсию полковника в отставке. Нет, не бедствовал, конечно, но и не шиковал.

Когда лучший друг увёл у любимого сына невесту, Калитовский-старший только и сказал словами песни, что если невеста предпочла другого, то это ещё не значит, что в проигрыше остался тот, от которого она ушла. Да и мать сказала: «Виталия, зачем тебе такая девушка». Калитовский-младший ничего не ответил родителям и боль свою затаил в себе.

Никифор Лаврентьевич женился на Снежане.. И она родила ребёнка. Только, как он сам думал, вовсе не от него... Твердохлёбов решил сделать ДНК. Ребёнок сейчас жил у родителей Снежаны. Если бы Никифор Лаврентьевич считал этого ре-

бёнка своим, он бы ни за что не разрешил увезти его и вскармливать искусственно. А так он нутром чуял: не его кровь. Он знал, что у Снежаны есть молодой любовник. И даже догадывался, кто это. Короче, самые близкие люди приносили Твердохлёбову, несмотря на все вложенные в них инвестиции, одни сплошные разочарования.

И только племянник, сын его младшей, рано ушедшей из жизни сестры, Олег Георгиевич Кушнарёв, никогда и ничем не огорчал дядю. Он и денег никогда не просил, старался всего добиваться сам. Даже когда Никифор Лаврентьевич предложил племяннику оплатить его учёбу, Олег только плечами пожал и сказал: «Зачем же, дядя? Я и сам на бюджетный поступлю». И поступил, и окончил с красным дипломом. Работу сам нашёл ещё во время учёбы в институте и теперь работает в хорошей фирме, зарплату получает не то что дай бог каждому молодому специалисту, а уже и вполне опытному.

Теперь вот жениться собрался, сказал, что хочет дядю с девушкой своей познакомить. Никифор Лаврентьевич тепло улыбнулся. Что и говорить, с племянником ему повезло.

Глава 2

Снежана Матвеевна Твердохлёбова в детстве, как и большинство детей, верила в Деда Мороза, обожала Снегурочку. И была очень удивлена, когда ей однажды сказали, что она сама похожа на Снегу-

рочку. Но во все следующие разы, когда ей говорили об этом, только плечами пожимала — похожа так похожа. Даже перестав верить в Деда Мороза, она продолжала верить в сказку новогодней ночи, в исполнение желаний, загаданных под бой курантов. Повзрослев, она стала мечтать, как и многие девушки, о принце на белом коне. И желания она загадывала о встрече с ним, о большой и чистой любви.

Когда ей едва исполнилось семнадцать лет, к ней стал подкатываться сосед по лестничной площадке, особенно когда был нетрезв. Снежана пожаловалась на него старшему брату, а тот рассмеялся и ответил ей словами бородатого анекдота: все девушки мечтают о принце на белом коне, а приезжает пьяный король на трамвае.

— Какой же он король?! — обиделась на брата Снежана.

А тот похлопал её по плечу и сказал: «Не волнуйся, сестрёнка, поговорю я с твоим навязчивым ухажёром».

И поговорил. Сосед не только перестал с ней заговаривать, но и, увидев её во дворе, сразу исчезал, а если у него была открыта дверь, когда Снежана поднималась по лестнице, дверь мгновенно с грохотом захлопывалась. «Что такого мог сказать ему брат?» — недоумевала Снежана.

После окончания школы она поступила учиться на кондитера и переехала жить в общежитие. Комната с тремя не очень шумными подружками показалась ей кусочком рая по сравнению с родительской квартирой, где все жили, выражаясь